

Чжун Ин съездил в больницу. Состояние Гаррисона Беллу стремительно ухудшалось, и Райан не скрывал своего ликования. Он отдал не только личные дневники старика, но и кое-какие документы семьи Шэнь, которые тот бережно хранил все эти годы.

Разобрав бумаги, Чжун Ин и его спутники обнаружили, что Гаррисон Беллу оставил у себя лишь те книги, которые Шэнь Лин читал в ранней юности. «Антология поэзии Музыкальной палаты», «Книга таинственных нот», «Книга династии Хань» — обычные издания эпохи Китайской Республики, прошитые нитью. В них не было редких откровений или научных трудов зрелого мастера.

Коробки с документами и дневниками громоздились повсюду, заняв едва ли не весь свободный пятачок в гостиничном номере. Чжун Ин наугад вытянул одну из книг и раскрыл её. Между печатных строк вился угловатый, ещё не окрепший мальчишеский почерк — верное свидетельство того, что Шэнь Лин оставлял эти примечания в глубоком детстве или раннем отрочестве.

— Странно всё-таки, — озадаченно произнёс Чжун Ин. — Книги принадлежали господину Шэню, но они полностью на китайском, да и почерк здесь совсем не похож на его зрелое письмо. Зачем Беллу хранил их у себя, а не выставил в музей? Мог бы просто сказать, что выкупил старые букинистические издания времён Республики.

Фань Чэньюнь, услышав это, негромко усмехнулся:

— Возможно, оставил себе, надеясь когда-нибудь прочесть. Он ведь понимал китайские иероглифы Шэнь Линя.

Чжун Ин удивлённо взглянул на наставника. До сих пор он искренне верил, будто Гаррисон Беллу не понимал писем Шэнь Линя, слепо доверял переводам посла Китайской Республики и потому годами прятался за самообманом. Но действительность оказалась иной.

— Учитель, а откуда вам известно, что Беллу понимал китайский? — спросил Чжун Ин.

Фань Чэньюнь подошёл ближе и взял со стола увесистый дневник Гаррисона Беллу в мягком велюровом переплёте. Плотные пожелтевшие страницы отозвались сухим шорохом.

— В наших редких беседах, когда заходил разговор о древней поэзии или классических напевах, он никогда не просил меня переводить или растолковывать смысл. Старинные свитки и живопись, которые я ему дарил, он принимал с пониманием и даже мог вставить дельное замечание. Будь он совсем невеждой в китайском, ему бы на каждом шагу требовался толмач. — Фань Чэньюнь на мгновение задумался. — Полагаю, базовую грамоту он всё-таки освоил. Что же касается писем господина Шэня...

Он бережно прижал дневник к ладоням, глядя на ровные ряды итальянских слов, и тяжело вздохнул:

— Должно быть, он перечитывал их из года в год. Выискивал скрытые смыслы, убеждал себя, что эта переписка — великий памятник дружбы через океан. За долгие десятилетия он и сам поверил в сотворённый им миф.

В гостиничном номере повисла тишина. Учитель и ученик устроились по разные стороны стола, неторопливо перебирая принесённые Райаном вещи. У самого окна, в потоках слепящего итальянского солнца, покоился десятиструнный «Изящное созвучие». Она словно вслушивалась в мерный шелест переворачиваемых страниц, молчаливая и величественная.

Чжун Ин читал «Антологию поэзии Музыкальной палаты». С малых лет он изучал материалы, оставленные Обществом изящных созвучий минувшего, но большая часть их содержания была написана Шэнь Линем после двадцати лет, и тон их был сугубо академическим. Это был первый раз, когда он увидел совсем юного, с пылким и незрелым характером, маленького Шэнь Линя.

Чжун Ин углубился в «Антологию поэзии Музыкальной палаты». С малых лет он перечитывал уцелевшие архивы Общества изящных созвучий минувшего, но те записи относились к поре, когда Шэнь Линю уже перевалило за двадцать. В них сквозил голос зрелого исследователя, строгий и академичный. Сейчас же Чжун Ин впервые соприкоснулся с мыслями совсем юного Шэнь Линя — незрелыми, пылкими и по-хорошему бунтарскими.

Книга была совсем тонкой, но на полях почти каждого стихотворения юноша оставил пометки разной длины.

Рядом со «Звездой доброго предзнаменования» размахисто красовалось короткое: «Превосходно!»

Возле «Баллады о гусях-кунхоу» Шэнь Лин вывел: «Трудно отыскать истинного ценителя музыки, но тем ценнее искренность открытых сердец».

А на полях «Сражения к югу от городских стен» юношеский пыл выплеснулся наружу полной мерой: «Думая о глупости двора и никчёмности правительства, готового сдавать земли, выплачивать унижительные контрибуции и пресмыкаться перед чужеземцами, я едва сдерживаю гнев. Будь моя воля, я бы поднял знамя бунта и пошёл по стопам тайпинов!»

Чжун Ин негромко рассмеялся. Любопытства ради он перелистнул страницы к выходным данным: шестнадцатый год эры Китайской Республики — 1927-й. В ту пору Шэнь Линю едва исполнилось пятнадцать или шестнадцать лет. Из этих искренних, порывистых слов так и веяло юношеским максимализмом и жаждой справедливости, когда море кажется по колено, а зло должно быть немедленно караемо.

Чжун Ин перевернул еще несколько страниц. Возле строк «Баллады о Мулань» юноша излил наболевшее:

«В древности простая девушка не побоялась надеть доспехи и уйти на войну вместо отца. А я, взрослый мужчина, трусливо заперся в четырех стенах и перебираю шелковые струны циня... До чего же невыносимо!»

Чжун Ин вспомнил, что в семнадцатом году Республики, то есть в 1928-м, младший дядя Шэнь Линя тайно сбежал на фронт, примкнув к коммунистическим отрядам. Племянник рвался за ним, но старый глава рода поймал беглеца и жестоко наказал по закону предков. Глядя на неровный почерк, Чжун Ин легко мог вообразить угрюмого, взбудораженного несправедливостью подростка, которого заперли в четырех стенах. Тот сидел, насупившись, листал «Антологию поэзии Музыкальной палаты» и, наткнувшись на историю Мулань, в порыве чувств оставлял на полях обиженные, едкие комментарии.

Такого простого, живого и по-детски ранимого Шэнь Линя Чжун Ин ещё никогда не видел.

Архивы, уцелевшие в усадьбе Фаньлинь, когда-то прошли через строгий отбор самого Шэнь Линя. Книги, нотные записи, дневники — всё там было овеяно духом зрелости, голосом человека, прошедшего сквозь горнило войны и обретшего тяжёлую, мудрую сдержанность.

Чжун Ин, разглядывая эти неожиданные откровения юного Шэнь Линя, улыбнулся и, слегка приподняв томик поэзии, спросил:

— Учитель, а почему старый глава семьи Шэнь передал Гаррисону Беллу даже эти личные книги?

— Опасался, верно, что при обыске Шэнь Линю несдобровать, — ответил Фань Чэньюнь, не отрываясь от дневника Беллу. — Тут старик упоминает об этом вскользь. Когда Шэнь Линя арестовали, отец Гаррисона сам вызвался сберечь семейные ценности. Семья Шэнь несколько раз вежливо отказывалась, но под конец всё же уступила и привезла вещи к ним. Могу лишь догадываться: старый глава рода не поднял руку на книги, но ради безопасности решил спрятать их подальше. И отдал Беллу вместе со старинными картинами и древним цинем.

Он печально вздохнул:

— Японцы-то, может, и иероглифов не разобрали бы, но коллаборационисты куда страшнее чужеземцев. Попадись им на глаза эти дерзкие юношеские пометки, они бы мигом извратили их смысл ради награды от новых хозяев. И тогда от наследия Шэней не осталось бы и следа.

Чжун Ин молча выслушал учителя и перелистнул ещё несколько страниц. На полях унылой солдатской песни «В пятнадцать лет ушел я на войну» Шэнь Лин в ярости клеймил захватчиков:

«Разглагольствуют о защите своих подданных, а сами вырезают наш мирный люд, отбирают земли и угоняют в рабство! В старину пели: "В пятнадцать лет ушёл на войну, в восемьдесят воротился". Ныне же несчастные жители Цзинани гибнут безвестно, так и не увидев родного порога!»

Каждое слово исходило чистой, горькой обидой — в них звенело бесстрашие юности, ещё не надломленной жестокостью реального мира.

Предосторожность старого Шэня была оправдана, да только жизнь распорядилась иначе...

Чжун Ин отложил книгу и с любопытством уставился на бархатный переплёт в руках наставника:

— Учитель, а что ещё Беллу нацарапал в своих дневниках?

Фань Чэньюнь негромко хмыкнул и протянул тетрадь ученику:

— Да ничего особенного. Бессвязный лепет упрямого старика, не более.

Слова учителя заставили Чжун Иня пересилить брезгливость. Каким бы тщеславным и неприятным ни был этот старик, он оставался последним живым свидетелем той трагедии. Интересно, пришло ли к нему раскаяние на пороге могилы?

Тот немощный старик, что сейчас доживал последние дни в больнице, в молодости исправно вёл дневниковые записи. В руках Чжун Иня оказался один из ранних томов: почерк в нём был ещё неровным, угловатым, а итальянские фразы — короткими и простыми. Пробежав глазами первые несколько абзацев, юноша сразу понял, почему наставник читал так вдумчиво.

«... Посол поговаривает, будто среди родни Шэнь Линя появились крупные партийные чиновники нового режима. Похоже, ветер в Китае переменился. Дипломат снова навещался к нам, убеждая отца вернуть чужие вещи. Но я отказался. Если Шэнь Лин так дорожит своим цинем, пускай сам явится за ним в Италию. Лично ему я отдам всё без остатка».

Нахмурившись, Чжун Ин пролистал добрый десяток страниц вперёд.

«... Отец ушёл в море и пропал без вести — говорят, судно разграбили пираты. Порой мне кажется, уж не кара ли это небесная за то, что я заставил его утаить сокровища семьи Шэнь? Если Шэнь Лин приедет во Флоренцию, я верну ему каждую мелочь».

Чжун Ин замер, ощутив, как в груди шевельнулось странное, двоякое чувство.

Он перевернул страницу.

«Шэнь Лин умер».

Посреди огромного белого листа сиротливо ютились эти три слова. На них дневник обрывался. Сколько Чжун Ин ни перелистывал плотную бумагу, дальше шла лишь глухая, мертвенная пустота.

Чжун Ин поднялся с места, подошёл к коробкам с архивами и вытащил другую тетрадь. В ней почерк Беллу сделался ровнее и увереннее — там были записаны его многочисленные планы.

«... Я потребовал, чтобы музей выделил центральный зал под "Панораму рек и гор на тысячу ли". Китайских диковинок у нас маловато, но я обязан выставить напоказ всё, что некогда подарил мне Шэнь Лин».

«... В Музыкальном театре Флоренции завершают отделку четырёх главных залов. Строители поинтересовались моим мнением насчёт названий. Я выбрал маргаритку, фиалку, розу и падуб. Их тайный смысл — "скрытая в глубине сердца любовь", "вечное постоянство", "люблю тебя" и "продолжение жизни"».

Чжун Иня перекосило от отвращения. Он с силой швырнул тетрадь обратно в коробку и выудил другую, в более свежем переплёте, надеясь найти упоминания своего дедушки.

Едва раскрыв её, он прочитал:

«Фань Чэньюнь поразительно похож на него. Слово сам Шэнь Лин преодолел тысячи ли океана, чтобы взглянуть на меня напоследок».

— Тьфу, мерзость какая! — Чжун Ин захлопнул тетрадь и с раздражением посмотрел на наставника. — Учитель, у меня руки чешутся сжечь это барахло!

Фань Чэньюнь весело расхохотался и мягко забрал книжицу из его пальцев.

— Зачем же сразу жечь? Пускай утащит с собой на тот свет. Вдруг предстанет пред очи господина Шэня, сунет ему под нос дневник и скажет: «Вот, гляди, я ведь каялся перед тобой все эти годы»?

— Да разве это покаяние? — Чжун Ин со злостью проводил взглядом зажатую в руках учителя тетрадь. — Обычный эгоистичный бред. Он всю жизнь прожил в собственном фальшивом мирке, не видя никого вокруг!

— Жалкий, несчастный и омерзительный тип, — согласился Фань Чэньюнь, небрежно швырнув дневник обратно к груде велюровых тетрадей. — Он выстроил вокруг себя крепость и сам же установил в ней законы. Справедливости ради, Беллу действительно хотел вернуть цинь...

Он грустно и устало улыбнулся:

— Но только при условии, что господин Шэнь лично за ним явится.

Чжун Ин без труда мог вообразить эту сцену. Явись Шэнь Лин во Флоренцию, Беллу, точь-в-точь как хвастался в своём документальном фильме, окружил бы его невиданной роскошью, пообещал золотые горы и стал бы молить остаться в Италии навеки. Вот только Шэнь Лин ни за что не променял бы родину на сытую жизнь на чужбине.

Ведь Общество изящных созвучий минувшего основывалось с единственной целью — чтобы после пожарищ войны над истерзанной родиной вновь зазвучали древние напевы, умиротворяя души погибших и славя долгожданную победу. Разве мог человек такого масштаба и душевной чистоты прельститься чужим благополучием? Все обещания славы и богатств, которыми искушал его Беллу, были не более чем жалкой попыткой потешить собственное эго. Игры разума, покалечившие судьбы обоих.

Ему стало окончательно неинтересно копаться в чужом грязном белье. Чжун Ин отвернулся от ящика с дневниками и погрузился в чтение старых юношеских книг Шэнь Линя. Он терпеливо ждал, пока представители Музея озера Цинлин подпишут последние соглашения, чтобы наконец отправиться в обратный путь.

В день, когда десятиструнный «Изящное созвучие» бережно погрузили в багажный отсек самолёта, на последних полосах итальянских газет напечатали короткий некролог. Фань Чэньюнь молча пробежал глазами сухие строчки и закрыл газету. На похоронах великого благотворителя и покровителя искусств соберутся толпы близких и праздных знакомых, так что отсутствие двух безмолвных гостей из далёкого Китая никто и не заметит.

Репатриация второй партии утерянных национальных сокровищ освещалась в прессе с невероятным размахом. Однако в роли великодушного благодетеля предстал уже не усопший Гаррисон Беллу, а его преемник — Райан Беллу. Молодой наследник отлично владел искусством дипломатии и обожал позировать перед камерами. Он с сияющей улыбкой пожал руку директору Юю на церемонии передачи ценностей, обеспечив себе ворох красивых снимков для прессы и укрепив репутацию поборника вековой дружбы между Востоком и Западом.

Первая партия из ста тринадцати экспонатов, вторая — из трехсот семидесяти одного... И пусть китайские залы музея Беллу не опустели до конца, главное было сделано: все реликвии семьи Шэнь вернулись на родную землю. Более того, итальянская сторона согласилась безвозмездно передать точную копию десятиструнного циня «Изящное созвучие» для выставочных нужд. Событие поистине историческое. Чжун Ин читал отчёты музейщиков, и на душе у него становилось непривычно легко и покойно — многолетняя цель наконец-то была достигнута.

Вскоре раздался телефонный звонок от Чжоу Цзюньтун.

— Господин Чжун! Я всё-таки уговорила директора провести персональную выставку, посвящённую наследию Шэней. И он согласился! Начнём сразу, как только свернём экспозицию возвращённых ценностей! — Девушка буквально захлёбывалась от восторга. — Мы планируем уделить особое внимание самому господину Шэню и Обществу изящных созвучий минувшего. Мне бы очень хотелось сверить с вами некоторые исторические факты для информационных стендов. Найдётся минутка?

Чжун Ин с готовностью отозвался на просьбу:

— Спрашивайте, конечно. С радостью расскажу всё, что мне известно.

— Отлично! — Чжоу Цзюньтун вздохнула с облегчением и заговорила свободнее: — Понимаете, разбирая архивы господина Шэня, мы то и дело натыкались в его записях на имя Чжюань. — В её голосе всё ещё сквозила романтическая надежда прикоснуться к великой истории о родстве творческих душ. — Кем ему приходился этот Чжюань? Неужели близким другом?

Приподнятое настроение Чжун Иня мгновенно улетучилось, уступив место глухой тоске. Он помнил наизусть каждую страницу дневников Шэнь Линя, каждую его научную заметку. Он прекрасно знал, кем был этот таинственный Чжюань и какую роль сыграл в судьбе мастера.

А пуще всего он помнил то, что этот человек совершил.

— Когда-то был, — глухо и отстранённо ответил Чжун Ин.

В тридцать седьмом году Шэнь Лин увлечённо доверял бумаге свои надежды:

«Приятель из газеты в шутку величал меня "властелином десятиструнного «Изящного созвучия» Шэнь Цзиньду", чем несказанно раззадорил Чжюаня. Тот без умолку требовал, чтобы я придумал и ему столь же звучное прозвище. Его игра на тринадцатиструнном чжу пока оставляет желать лучшего, да и нрав у парня ветреный, но, дабы унять его пыл, я в шутку нарёк его "властелином тринадцатиструнного чжу Нин Чжюанем". Пускай это послужит ему уроком. Надеюсь, он наконец остепенится, отточит мастерство и покажет класс на сцене — вот тогда публика сама одарит его подлинным признанием».

Каждое слово дышало мягкой заботой старшего брата о капризном младшем, искренним восхищением талантом соратника. Чжун Ин отчётливо видел, как дорог был Шэнь Линю этот юноша.

Но реальность оказалась безжалостной.

— Нин Минчжи, второе имя — Чжюань, — Чжун Иню показалось, будто само это имя осело на зубах ледяной крошкой. — До сорок второго года господин Шэнь упоминал его едва ли не в каждой записи. Даже драгоценные ледяные струны, идеально подошедшие для циня «Изящное

созвучие», Нин Минчжи раздобыл сам, приложив невероятные усилия. В те годы они действительно были преданными друзьями. Господин Шэнь прочил ему великое будущее, веря, что этот талантливый парень заставит возродиться тринадцатиструнный чжу и прославит их скромное Общество.

Он сделал короткую паузу и продолжил ещё холоднее:

— Но стоило господину Шэню выйти из застенков японской тюрьмы, как имя Чжияня навсегда стёрлось со страниц его писем и дневников.

Чжун Ин горько, изломанно усмехнулся:

— Слово Нин Минчжи никогда не существовало вовсе. Слово он сгинул в пламени той войны.

— Почему? — изумлённо выдохнула Чжоу Цзюньтун.

Чжун Ин знал истинную причину. В глубинах цифровых архивов музея хранились отсканированные копии старых газетных вырезок — безмолвные свидетельства боли, о которой Шэнь Лин не обмолвился и единым словом в своих записях.

«Музыкант Общества изящных созвучий минувшего Нин Минчжи празднует Великое содружество Восточной Азии».

«Музыкант Общества изящных созвучий минувшего Нин Минчжи исполняет фортепианные пьесы в знак поддержки победоносной императорской армии».

«Музыкант Общества изящных созвучий минувшего Нин Минчжи выражает глубокую признательность Японии за её вклад в сохранение китайской культуры».

Этот человек ни разу в жизни не выступал от имени Общества изящных созвучий минувшего. Но его имя с завидным упорством красовалось в заголовках японских агитационных листов именно под этой вывеской. Чёрным по белому — неопровержимая улика, которую не смыть годами.

— Всё просто, — ледяным тоном подытожил Чжун Ин. — Нин Минчжи не заслужил права называться другом господина Шэня. Он оказался жалким предателем, продавшим своих товарищей, и обыкновенным прихвостнем оккупантов.